

Категория видимого / невидимого в цикле Д. А. Емца «ШНыр»

Анна Олеговна Путило¹, Олег Олегович Путило²

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. им. В. И. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0009-0001-6749-5728. E-mail: anna.putilo[at]yandex.ru

² Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр. им. В. И. Ленина, 400005 Волгоград, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Путило А. О., Путило О. О., 2023

Аннотация. *Введение.* В христианском фэнтези дихотомия видимого/невидимого тесно связана с таким религиозно-философским понятием, как ведение (знание) и соответствует христианской концепции устройства вселенной. *Цель* нашей статьи заключается в необходимости проанализировать особенности рецепции христианского вероучения, реализуемые в рамках обозначенной выше категории на примере фантастической прозы. Выбор в качестве материала цикла «ШНыр» российского писателя Дмитрия Александровича Емца обоснован репрезентацией в его романах христианской эстетики и философии, а также относительной их малоизученностью. *Результаты и выводы.* В статье делается вывод, что категория видимого / невидимого в цикле Д. Емца «ШНыр» связана с таким религиозно-философским понятием, как ведение (знание), и соответствует христианской концепции устройства вселенной. Дихотомия видимого / невидимого определяет специфику художественного пространства, составленного из трех миров: сверхплотного, материального и тонкого. В центре сверхплотной Двушки — Бог, единственно невидимый в истин-

ном смысле этого слова. Все остальные герои и вещи, принадлежащие другим мирам, могут считаться лишь условно невидимыми. Категория видимого / невидимого в цикле «ШНыр», в первую очередь, связана не с объектом видения, а с тем, насколько совершенен субъект действия, т. е. насколько совершенен тот, кто видит. Выше всех абсолют — Бог, далее Его подобие — люди, обладающие разной степенью совершенства / святости, и ниже всех падшие существа — эльбы. Исследуемые категории тесно увязаны с идеей цикла — стремлением людей познать (увидеть) божественное зерно друг в друге и во всем окружающем.

Ключевые слова: фантастика, фэнтези, видимое, невидимое, пространство, образ, Емец, ШНыр

Для цитирования: Путило А. О., Путило О. О. Категория видимого / невидимого в цикле Д. А. Емца «ШНыр» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 2. С. 112–126. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-112-126

The Category of Visible / Invisible in the Cycle of Dmitry Emets “SHNyr”

Anna O. Putilo¹, Oleg O. Putilo²

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russian Federation)

Cfnd. Sc. (Philology), Associate Professor

 0009-0001-6749-5728. E-mail: anna.putilo[at]yandex.ru

² Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Ave., 400005 Volgograd, Russian Federation)

PhD (Philology), Associate Professor

 0000-0002-0334-5456. E-mail: dolennor[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Putilo A. O., Putilo O. O., 2023

Abstract. Introduction. In Christian fantasy, the visible/invisible dichotomy is closely related to such a religious and philosophical concept as knowledge and corresponds to the Christian concept of the universe. The *purpose* of our article is the need to analyze the features of the perception of Christian doctrine,

implemented within the framework of the above category on the example of fantasy prose. The choice of the Russian writer Dmitry Alexandrovich Yemts as the material of the “SHNyr” cycle is justified by the presence of Christian aesthetics and philosophy in his novels, as well as their relative lack of study. *Results and conclusions.* The article concludes that the category of the visible / invisible in the D. Yemts cycle “Shnyr” is associated with such a religious and philosophical concept as knowledge, and corresponds to the Christian concept of the universe. The visible/invisible dichotomy defines the specifics of an artistic space composed of three worlds: superdense, material and subtle. In the center of the superdense dvushka (two-room apartment) there is God, the only invisible one in the true sense of the word. All other characters and things belonging to other worlds can only be considered conditionally invisible. The category of the visible / invisible in the “SHNyr” cycle, first of all, is not related to the object of vision, but to how perfect the subject of action is, i.e. how perfect the one who sees them is. Above all, the absolute is God, then His likeness are the people with varying degrees of perfection/ holiness, and below all fallen beings are the Elbs. The categories under study are closely linked to the idea of the cycle — the desire of people to know (see) the divine grain in each other and in everything around them.

Keywords: science fiction, fantasy, visible, invisible, space, image, Emets, SHNyr

For citation: Putilo A. O., Putilo O. O. The Category of Visible / Invisible in the Cycle of Dmitry Emets “SHNyr”. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 2: 112–126. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-2-26-112-126

1. Введение

Категория видимого / невидимого традиционно интересует литературоведов в разрезе нескольких парадигм: как изобразительный прием, как конфликт способов репрезентации реальности, как проблема зримости и реальной правды и как соотношение видимого и говоримого [Ксенофонтова 2003]. Актуальность обращения к исследуемой категории в ходе анализа именно фантастической литературы, в первую очередь, определяется спецификой жанра. По мнению И. В. Головачевой, «акцентированное невидимое, как правило, проявляется в трех типах дискурсов. Обозначим первый как делириозный, т. е. связанный с психиатрическим контекстом или подтекстом. (Таков дискурс в главах романа Федора Достоевско-

го, где фигурирует „личный“ черт Ивана Карамазова, только ему и являющийся). Второй тип обнаруживаем, например, в „Человеке-невидимке“ Герберта Уэллса, где незримость героя однозначно опознаваема как научно-фантастическая. Обозначенная Уэллсом невидимость персонажа трактуется в качестве рационализированной новизны, позитивистской инаковости, вызванной научно-техническим изменением (изобретением). Третий тип невидимого в текстах — это призрачное, относящееся к сверхъестественному нереальному в нашей классификации» [Головачева 2016: 251]. Все три типа определяются в контексте понимания фантастического, как колебания между чудесным и необычным [Тодоров 1999: 25]. Хотя невидимость может быть обоснована фокусом или помрачением сознания, в фантастическом жанре мы чаще встречаем сверхъестественное объяснение этого явления. При этом ключевые вопросы, связанные с исследуемой категорией, касаются не столько способа обретения невидимости, сколько того, почему избранные люди способны узреть незримое?

Особый взгляд на реализацию дихотомии видимого / невидимого присутствует в фэнтези, где та тесно увязывается с категорией плотности / тонкости. Например, в романе Д. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» невидимость определяется магическим воздействием кольца всевластья. Надевший его на палец смертный переносится в «тонкий» мир, мир теней и духов. Частое использование артефакта приводит к тому, что его владелец может окончательно утратить «плотность», стать призраком, повторить судьбу злобных назгулов: «Если смертный часто надевает Кольцо, чтоб стать невидимкой, то он тает — или, как говорят Мудрые, развоплощается, — а потом становится невидимкой навечно, зримый только глазу Властелина Колец» [Толкиен 1994: 52]. Плотность — категория, безусловно связанная с видимостью не только жанра фэнтези в целом, но и в христианской методологии.

Обращение к анализу дихотомии видимого / невидимого в том христианском фэнтези требует расширения указанной категории до познаваемого / непознаваемого, очевидного / тайного. С точки зрения этимологии ведение (знание) и видение (зрение) — пример корневого чередования [Фасмер 1986: 312]. Семантически оба понятия указывают на процесс восприятия окружающего мира,

получение информации о нем. В православии ведение (познание) и видение (зрение) неотделимы друг от друга, поэтому мы будем рассматривать процесс познания не как получение конкретной информации, а как экзистенциальный акт, связанный с пониманием сути вещей и явлений. Следовательно, видимость или невидимость объекта обусловлены не просто его физическими свойствами, а способностью реципиента понимать природу и естество увиденного.

2. История вопроса

Категория видимого / невидимого часто затрагивается в процессе обсуждения вопросов о богопознании и свойствах Бога в религиозно-философских статьях: [Афанасьев 1971; Давыденков 2017; Лосский 2006; Мандзаридис 2010] — и богословских источниках: [Палама 1995; Дамаскин 2012; Симеон Новый Богослов 2015]. Однако в литературоведческой практике к этой дихотомии обращаются не так часто [Иванов, Волкова 2015; Чиан 2016; Кузнецова 2011; Ксенофонтова 2003], еще меньше исследований, построенных на анализе фантастических текстов (science fiction, fantasy), где пространство видимого / невидимого встречается чаще, чем в обычной «литературе вымысла» (fiction) [Головачева 2016]. Недостаточно изученным является и творчество Д. Емца, на материале которого мы рассматриваем вышеозначенную категорию: исследователей преимущественно интересуют его ранние циклы — «Таня Гротгер» и «Мефодий Буслаев» [Дворак 2015]. Все вышеперечисленное определяет актуальность нашей работы.

3. Материалы исследования

Цикл Дмитрия Александровича Емца «ШНыр» включает 12 романов, в которых (относительно предшествующих циклов) прослеживается сильное влияние христианской эстетики и философии. Жанровое определение своему циклу Д. А. Емец сформулировал в одной из статей на православном портале «Правмир»: «...христианское фэнтези — жанр хороший и полезный, если не заигрываешься и соблюдаешь определенные внутренние законы. Главный же закон такой, что ты только подводишь к дверям храма, потому что если ты за них переступил, будет мистика, а мистика

— это всегда подмес» [Емец 2017]. Именно поэтому автор не использует непосредственно христианские категории: Бог заменяется метонимическим определением «Двушка», демоны — эльбами, одержимые — псиосными и т. д. Следовательно, при всей очевидности христианской парадигмы образной системы, оригинальные наименования категорий героев позволяют избегать прямых религиозных аллюзий, оставаясь в границах православного фэнтези, принадлежность к которому во многом предопределила выбор материала для нашей статьи.

4. Плотность пространства как ведущая характеристика категории видимого / невидимого

Художественное пространство в цикле Д. Емца «ШНыр» организовано в виде представляющих единое целое трех миров: сверхплотного, материального и тонкого: «Наш мир, мертвый мир — *болото*, и истинный вечный мир, где не существует смерти, — *двушка*. *Двушка* — мир, только еще приготовленный для людей и пока незаселенный (курсив наш. — А. П., О. П.)» [Емец 2017]. Они наслаиваются друг на друга, из чего следует, что у них единый творец. Такая структура отражает христианский догмат о Церкви Земной и Церкви Небесной, так в соответствии с идеей о «кафоличности Церкви, ее единство является абсолютным: нет видимой и невидимой церкви, небесной и земной, а есть единая Христова Церковь» [Афанасьев 1971: 9].

Каждый из миров сталкивается со злом, которое в попытке их разрушить расходует заложенный заряд добра и любви. Согласно христианскому учению, «человек на заре своей истории не выдерживает испытание свободой и любовью. Он отвергает Бога — источник, основу и цель своей жизни. Вследствие чего повреждается первоначальное состояние человеческого естества и мира в целом, а также отказавшись от источника жизни, все обрекается на смерть» [Православная энциклопедия 2002: 386]. Все три мира находятся в постоянном взаимовлиянии, но их плотность и видимость непостоянны: они тяготеют к деструктуризации и только значительными усилиями удается удерживать пространство от разрушения. Болото уже утратило плотность, стало нематериальным, и его обитатели жаждут вернуть хотя бы незначительную ее

часть, питаясь энергией мира людей. А наша реальность — Земля — находится в процессе развоплощения, поэтому шныры для поддержания плотности и приносят с Двушки закладки.

5. Влияние категории видимого / невидимого на образную систему цикла

Важность дихотомии видимого / невидимого подчеркивается ее влиянием на образную систему цикла. Предметы, явления, состояния из трехмерного пространства для одних героев могут быть видимыми, а для других невидимыми, да и сами герои — обычные в нашем, реальном мире — становятся сверхплотными на Двухке, а в мире эльбов теряют плотность. В то же время для обитателей сверхплотного мира Двухки все видимо, а значит, все очевидно. Они знают истинное состояние всех вещей и людей и, скорее всего, и будущее, и прошлое. Тому, Кто находится в центре Двухки, за второй грядой, известно, как распределяются закладки в мире и кому из шныров какую закладку предстоит найти, заранее ведомо, пройдет ли шныр испытание или провалит его. Все это явная отсылка к христианскому пониманию природы Божества.

Невидимость — это лишь одно из апофатических свойств¹, истоки которых лежат в том, что Бог существует в сверхбытии, т. е. в реальном мире нет осязаемого, вещественного аналога Его свойствам. Поскольку мир Двухки — сверхплотный, а его центр и во-

¹ В православии концепция Бога догматически выражается через представление о свободном и разумном Существо (Личности), заключающем в Себе безграничную полноту бытия. Богословы разделяют Божественные свойства на:

1) апофатические (отрицательные) свойства, обусловленные тем, что Бог обладает всей полнотой и совершенством бытия, абсолютной сущностью.

2) катафатические (положительные) свойства, обусловленные тем, что Бог есть духовно-разумное Существо, Которое благоволит открыть Себя людям и сообщить им знание о Себе.

В учении преподобного Максима Исповедника, Бог по природе Своей вообще не соответствует какому-либо разряду сущего. И поэтому, вследствие сверхбытия Бога, Ему более подобает определение «Небытие» [Давыденков 2017: 98].

все немислимо плотный, невидимым / непознаваемым в истинном смысле является только ее обитатель — Бог. Все остальные — условно невидимые, в зависимости от степени плотности героев-реципиентов.

Для эльбов — жителей нематериального Болота — не все видимо, но души или подобные им материи они воспринимают. Эльбы замечают людей и предметы из реального мира, но при этом они слабее человека, так как действовать в нем они могут лишь через посредников. Так как эльбы принадлежат нематериальному (утратившему из-за грехопадения материальную плотность) миру, видение тонких материй — их «врожденное» свойство, а значит, видят они и друг друга.

Обычным людям видны только существа обычной плотности, а сверхплотные или тонкие нет. Тонкий мир они могут разглядеть только с помощью каких-то специальных приспособлений (например, специального стеклышка или закладки), но при этом они способны видеть больше, чем те же эльбы. Рассуждая о возможности познания неочевидных форм бытования материи, святитель Игнатий Брянчанинов объясняет невидимость некоторых элементов мира именно несовершенством человеческого зрения: «Что значит мир видимый? Это тот, который мы видим. Что — мир невидимый? Это тот, который мы не видим. Христианство <...> приводит к познанию, что чувства наши извращены падением, подвержены переменчивостью, и потому никак не могут служить нормою...» [Брянчанинов 2018: 604]. Из этого следует, что, совершая грех, человек искажает данные ему от сотворения органы чувств. Видение людьми элементов сверхплотного мира (как и переход туда) всегда происходит с разрешения самой Двухки. Установив аналогию с организацией пространства в романах «ШНыр», мы приходим к выводу, что идеальный мир (обладающий максимальной плотностью) может увидеть только герой, чья природа еще не была растрачена грехопадением. Но чем сильнее повреждена природа существа грехом, тем ниже будет ясность его зрения, и тем сложнее ему будет увидеть истинный неискаженный образ сверхплотного мира.

Полное познание Бога по православной догматике невозможно, но Он может в некоторой степени открыть себя праведнику. Максимально полно данное утверждение раскрывается в учении святителя Григория Паламы о нетварном божественном свете. Святитель пишет, что «Начало духовного созерцания — добро, купленное чистотой жизни, и познание сущего, <...> а его последняя цель — залог будущего века, незнание, которое выше знания, и знание, которое выше понимания, сокровенная причастность к сокровенному и невыразимое видение, тайное и неизреченное созерцание и вкушение вечного света» [Палама 1995: 105]. Созерцание нетварного света — это созерцание Божественного Первообраза в своем внутреннем человеке, которое становится возможным после освобождения человека от греха и предчувствие вечной жизни.

Так, одна из главных героинь, Яра, обуреваемая сомнениями и переживаниями во время беременности, ныряет на Двушку и молится там о том, чтобы ее ребенок родился шныром [Емец 2015: 358–370], т. е. чтобы метафорическая «чаша» не была пронесена мимо, чтобы она получила право пройти предстоящее ей испытание (ср. молитва Христа в Гефсиманском саду: «Отче! все возможно Тебе; прinesi чашу сию мимо Меня» (Мк. 14, 35–36) [Новый Завет 2017: 71]). Вступая в диалог с Двушкой, она говорит с собственным отражением (созерцает Бога в себе) и получает ответы, недоступные другим людям и существам. Она трижды просит, и трижды Двушка пытается отговорить ее. Бог на Двухке на какой-то момент открывает себя ей так же, как он являлся праведникам в христианстве. При этом и до Яры были «пророки», беседовавшие с Двухкой, основателю «Школы ныряльщиков» Митяю Желтоглазому раскрытые ею тайны помогли создать многие инструменты для шныров: например, нерпи с рисунками, которые преобразовывали заряд, полученный от главной закладки в специальные таланты своих хозяев (череп со стрелой — поиск закладок, гепард — понимание животных и т. п.).

Акт раскрытия Двухкой герою истинной природы вещей имеет в своей основе не только фэнтезийные, но и христианские корни. Православная церковь считает источником научного знания

божественную истину. Так, святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) писал: «Религия потому движет науку, что в религиозном опыте мы вступаем в контакт с вечным Разумом, Голосом мира. Кто любит Бога, тому дано знание от Него (1 Кор. 8:3) [Новый Завет 2017: 245]. Не потому ли часть великих открытий и изобретений принадлежит тем, которые были и великими учеными, и великими христианами» [Крымский 2010: 392]. Таким образом, автор наделяет Двушку свободной волей и разумом, а также способностью (при обоюдном желании) просвещать и утешать людей, что основывается на христианском понимании взаимоотношения человека и Бога: «Господь просвещение мое и Спаситель мой» (Пс. 26) [Новый Завет 2017: 379].

Категория видимого / невидимого связана не только с тем, что является объектом видения, но и с тем, насколько совершенен субъект действия, то есть насколько высока «плотность» того, кто видит. Соответственно православному учению видение духовной природы происходит свободным от греха духовным зрением: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» (Мф. 5:8) [Новый Завет 2017: 9]. Кроме того, человек как образ и подобие Бога ищет Его и желает познать, именно с этого иррационального желания и начинается процесс совершенствования природы человека. В романах Емца, однако, не каждый герой готов к работе над собой для получения благ от Двушки. Но всех их можно расположить на иерархической «лестнице», где высшую ступень занимает абсолют — Бог, далее Его подобие — человек и ниже всех — демоническое падшее существо.

Двушка — Бог (рай), центр радиального мира, источник любви, тепла, жизни и т. п.

Первошныры — святые, мученики, образцы нравственности из прошлого, бывали за Второй грядой (или там и находятся), что довольно близко к центру Двушки.

Шныры — современные автору-рассказчику люди, уповающие на Бога, на то, что попадут (в рай) на Двушку, исправляющие зло в себе и уже достойные окраин Двушки. Это герои, имеющие «тайное» знание о том, как попасть на Двушку, видевшие милостию

Бога невидимое воочию, т. е. пережившие личную «встречу с Богом». Согласно догматике, христианство — это личная религия, «Бог познается в откровении как в личном общении. Откровение всегда есть откровение кому-то: оно состоит из встреч, которые образуют историю. <...> Мы не можем не только познавать Бога вне откровения, но и судить об откровении „объективно“, то есть извне» [Лосский 2006: 451].

Венды — современные рассказчику люди, борющиеся с внешним злом, но не еще осознавшие, как исправить себя, не пережившие «встречу с Богом», они не могут попасть на Двушку, но частично переняли учение шныров, научившись различать зло с помощью «инструментов» из «невидимого мира».

Обычные люди не стремятся к познанию и поэтому ничего не знают. Простые люди не только не могут заметить в человеке-инкубаторе подсаженную личинку, но и не обращают внимания на вполне реальных пегасов и гиел, парящих в небе. Обыватель опасается открытия того, что противоречит привычному для него мироустройству, поэтому обнаружение доселе незамеченного, невидимого трансформирует человека: «Что-то произошло с ее глазами. Привычный московский мир, состоящий из серых домов, мокрой земли и длинного забора, подсветился изнутри. Внешне красок не стало больше, но вылезли те мелкие детали, которые раньше не имели значения» [Емец 2010: 133].

Ведьмари пережили встречу с Двушкой, с Богом, но сделали выбор в пользу зла. Они хотят взять все блага мира видимого и невидимого силой, без любви, без работы над собой. Некоторые из них все же хотят исправиться и иногда искупают грехи, а значит, ведьмари имеют шанс на прощение, на спасение.

Мокша — бессмертный человек, посредник зла на земле, inferнальный образ. Он первошныр, которого, как и Люцифера, сгубила гордыня. Он сожалеет об утрате возможности входа на Двушку, но не хочет признавать свои ошибки, и поэтому не исправляет их.

Эльбы и другие злые сущности — те, кто добровольно отказались от любви, от тепла Двушки. Они потеряли божественный первообраз, даже визуально стали бесформенной массой. Вынужденно паразитируют на людях, так как сами по себе уже неспособ-

ны к жизни. Сожалея об этом, они не хотят, а, возможно, уже и не могут искупить свое падение.

Герои, находящиеся на той или иной ступени, не статичны и меняют свое положение в зависимости от совершаемых ими поступков. Наиболее показателен пример Альберта Долбушина, который на протяжении жизни несколько раз приближался и удалялся от идеала праведничества, но завершил свой земной путь за Второй грядой Двушки как святой [Емец 2020: 472–499]. Данный переход происходит с ним под влиянием закладки сверхзрения, которая позволяет познать истинную природу и сущность людей.

6. Заключение

Категория видимого / невидимого в цикле Д. А. Емца «ШНыр» полностью соответствует христианской концепции устройства вселенной. В основе ее описания лежит иррациональное желание богопознания, реализованное через путешествия на Двушку. Категория видимого / невидимого в романах напрямую увязывается с тремя характеристиками:

- 1) плотность характеризует пространства миров и принадлежащие им объекты;
- 2) познаваемость описывает возможность или невозможность понимания природы и естества объектов и субъектов познания;
- 3) духовное зрение характеризует героев реципиентов, желающих познавать Двушку.

Причем все указанные характеристики составляют единую художественную систему. Так, сверхплотный непогрешимый Бог — совершенный абсолют, духовная высота, центр Двушки — непознаваем полностью, то есть он невидим в истинном смысле слова.

Вопрос о возможности видеть невидимое касается двух аспектов:

- 1) Позволяет ли Невидимое видеть Себя?
- 2) Какой перед нами тип персонажа: достоин ли этот герой увидеть Невидимое и какая у него плотность?

Падшие сущности эльбы, существа «тонкого» плана, для обычных людей формально тоже невидимы, но не в силу своего

совершенства, а в силу того, что они развоплотились: утратили все божественное в себе, прервали всякую связь с первообразом, стали бесформенными существами. При этом общее божественное происхождение (сотворение одним творцом) связывает героев всех плотностей, поэтому эльбы познаваемы и при определенных условиях могут быть ощущаемы и видимы.

Главными героями цикла являются необычные люди, стремящиеся познать Двушку в силу своих способностей и возможностей. Обладая чистым сердцем, они имеют духовное зрение, то они могут видеть тайное и созерцать Бога сначала в себе, а потом воочию — за второй грядой Двушки. Люди стремятся познать (увидеть) именно божественное зерно друг в друге и во всем окружающем.

Источники

- Емец 2010 — *Емец Д. А.* Пегас, лев и кентавр. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
- Емец 2015 — *Емец Д. А.* Глоток огня. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
- Емец 2020 — *Емец Д. А.* Дверь на двушку. М.: Эксмо, 2020. 512 с.
- Новый Завет 2017 — Новый Завет. Псалтырь с приложением краткого молитвослова. М.: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017. 480 с.
- Толкиен 1994 — *Толкиен Д. Р. Р.* Собрание сочинений: в 4 тт. Т. 2. Хранители. Тула: Филин, 1994. 444 с.

Литература

- Афанасьев 1971 — *Афанасьев Н. Н.* Власть любви: К проблеме права и благодати // Православная мысль. Труды Православного Богословского Института в Париже. Вып. 14. Париж: УМСА-press, 1971. С. 5–23.
- Брянчанинов 2018 — *Брянчанинов Игнатий, свт.* Прибавление к «Слову о Смерти» // Брянчанинов Игнатий, свт. Полное собрание творений в пяти томах. Т. 2. М.: Новое небо, 2018. С. 558–634.
- Головачева 2016 — *Головачева И. В.* Фантастическое невидимое // Yearbook of Eastern European Studies. 2016. № 6. С. 251–264.
- Давыденков 2017 — *Протоиерей Олег Давыденков.* Догматическое богословие: учеб. пособие. М.: ПСТГУ, 2017. 624 с.

- Дамаскин 2012 — *Дамаскин Иоанн, преп.* Точное изложение православной веры. М.: Сибирская благовонница, 2012. 476 с.
- Дворак 2015 — *Дворак Е. Ю.* Русское детское фэнтези: жанровая специфика и особенности мифопоэтики: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 237 с.
- Емец 2017 — *Емец Д. А.* Христианское фэнтези: 6 лучших авторов на все времена [электронный ресурс] // Правмир. 23.03.2017. URL: <https://www.pravmir.ru/hristianskoe-fentezi-6-luchshih-avtorov-na-vse-vremena/> (дата обращения: 23.11.2023).
- Иванов, Волкова 2015 — *Иванов Н. Н., Волкова С. Н.* Образы невидимого града в прозе Михаила Пришвина // Дошкольное и начальное образование: современные методические подходы. Международная конференция «Чтения Ушинского» / отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2015. С. 245–292.
- Крымский 2010 — *Крымский (Войно-Ясенецкий) Лука, свт.* Избранные творения. М.: Сибирская благовонница, 2010. 437 с.
- Ксенофонтова 2003 — *Ксенофонтова М. В.* Поэтика видимого и невидимого в малой прозе В. Г. Распутина: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 162 с.
- Кузнецова 2011 — *Кузнецова О. А.* Изображение «видимого» и «невидимого» у символистов («прозрачность» Вяч. Иванова и «Стихи о прекрасной даме» А. Блока) // Александр Блок: исследования и материалы. Т. 4. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 60–83.
- Лосский 2006 — *Лосский В. Н.* Боговидение / пер. с фр. В. А. Решиковой, сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. Догматическое богословие. М.: АСТ, 2006. С. 455–552.
- Мандзаридис 2010 — *Мандзаридис Г.* Обожение человека по учению святителя Григория Паламы / пер. с англ. В. Петухов. 2-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. 127 с.
- Палама 1995 — *Палама Г.* Триады в защиту священо-безмолвствующих. М.: Канон, 1995. 380 с.
- Православная энциклопедия 2002 — Православная энциклопедия. Т. 5. Бог. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия», 2002. С. 386–432.
- Симеон Новый Богослов 2015 — *Преподобный Симеон Новый Богослов.* Послания // Богословские труды. Выпуск 46. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2015. С. 21–66.

- Тодоров 1999 — *Тодоров Цв.* Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
- Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. С. 312.
- Чиан 2016 — *Чиан Ч. Х.* Видимое и невидимое тело: проблема телесности в рассказе Л. Андреева «Так было» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 4. С. 79–86.